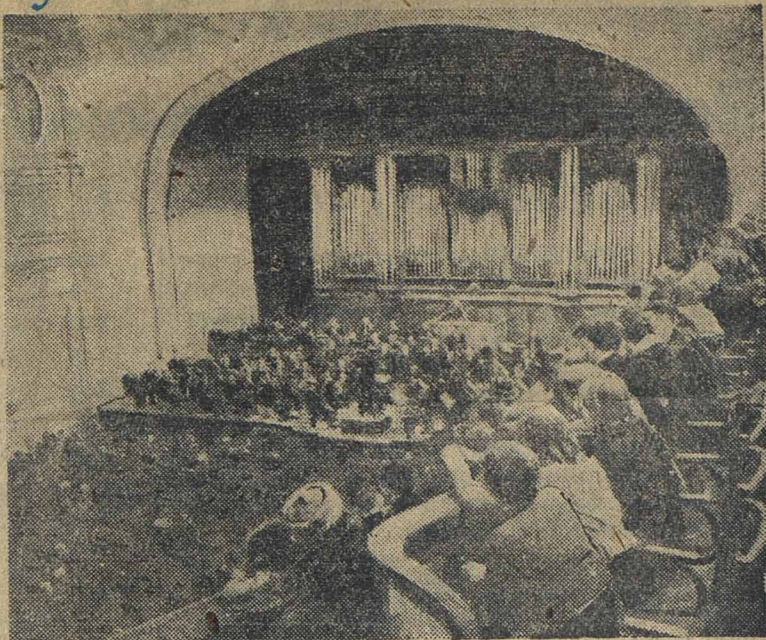

7 НОЯ. 1943

На первом публичном исполнении Восьмой симфонии Д. Шостаковича в Большом зале Московской консерватории.

Фото С. ПИНГАРЕВА.

★ Восьмая симфония Д. Шостаковича ★

Леонид ЛЕОНОВ

ПЕРВЫЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Сейчас после первого исполнения можно говорить только о самом общем впечатлении от Восьмой симфонии Д. Шостаковича.

Это произведение замечательно-го нашего современника говорит полным голосом о скорби и злости советского народа, ведущего войну с фашистскими захватчиками, войну не на жизнь, а на смерть. В построении симфонии композитор мне кажется, нашел средства для выражения сложных мыслей и чувств. Здесь и природа, и грохот войны, и раздумия, и наиболее мажорные, наиболее патетические выражения тех настроений и идей, которыми живет наше поколение. В симфонии найдено то счастливое сочетание личного и общего, которым отмечено каждое значительное произведение искусства в любую эпоху.

Но и не только этим значительна Восьмая симфония. Когда я слушаю Листа, Чайковского, Глинку, я как бы вступаю в знакомый, обжитой дом, в окна которого я привык любоваться давно знакомыми мне секторами мира. Слушая Восьмую симфонию Шостаковича, я все время чувствую, что властная рука композитора как бы подводит меня к иным окнам в мир, полный еще неизвестных мне явлений, и явления эти выражены новым музыкальным языком.

Мелодичность симфонии — не в ловком использовании «мотивов», а в органической конструкции всего произведения; патетика симфонии — не в громко звучащих ударных и медных инструментах, а в особом, непрерывном мажоре ее сплитного звучания.

Жан-Ришар БЛОК

В СТРАНЕ МУЗЫКИ

Готовясь слушать Восьмую симфонию Шостаковича, художника, дорогого каждому человеческому сердцу, я обладал своего рода преимуществом — я ничего не знал из всего того, что предварительно писалось об этом произведении, его программе, его замыслах. Я вошел с полным чистосердечием в этот сад, которому искусный архитектор сумел придать возможно большее сходство с дикой природой. Я гулял в полном неведении по территории, насыщенной замыслами, словно бомбами замедленного действия. И действительно, в эту симфонию надо входить, как в страну самой музыки, а либретто оставить за дверью. И тогда можно сполна насладиться этим совершенно необычайным миром звуков.

Да, материк Шостаковича совсем особенный. — Это страна для гигантов. Малейший шаг в ней измеряется верстами, обычные масштабы смещены, изменены, преобразованы соответственно какому-то новому мерилу. Поистине, музыка для шестой части нашей планеты. Это земля богатырей, будь то ученые, инженеры, солдаты, художники. Они невольно останавливаются, слыша этот разгул звуков, настораживаются, и вот слышится музыка необычайной нежности, прозрачности. — Тогда эти титаны с улыбкой склоняются над ней. Атлас, на мгновение опустивший небесный свод, чтобы сорвать полевой цветок.

Эта музыка потрясает вас, поражает, побеждает, вдруг одним словом, произнесенным шепотом, она погружает вас в мечты. «Похищение сабинянок» римлянами, наделенными даром поэзии, Яостный гуд, прерываемый плачущим голосом. Громовые раскаты, перебиваемые плясками мертвых и песнями живых. Отдых на краю вулкана, живых. Отдых под грохот танков, мечты о будущем среди летающих вокруг снарядов. И, в конечном итоге, именно песне нежности и будущему принадлежит последнее слово.

В этой музыке есть разумный оптимизм. Оптимизм 1943 года. Оптимизм, достойный советского человека 1943 года.

Д. Шостакович сумел в короткий срок с большим напрягом создать выдающееся музыкальное произведение. Это прежде всего свидетельствует о незаурядной творческой потенции композитора. И в то же время он сумел оторваться от некоторых привычных, установившихся приемов и методов. Отдельные части симфонии отмечены признаками творческого эксперимента. Как давно у нас в литературе никто не решался экспериментировать! Именно благодаря этой решительности Шостаковичу удалось с привычных интонаций и звуко сочетаний удалить весь налет банальных наслоений. И они звучали как бы по-новому свежо, порою непривычно. Ведь я, как литератор, знаю, как иногда мучительно трудно бывает соскочить со слов привычные напластования смежных ассоциаций и смыслов, которые отложились на них в течение долгих лет.

Слушая Восьмую симфонию Шостаковича, я наслаждался этой непривычной, как бы первозданной свежестью звуков. Следует попутно, разумеется, отдать должное и исполнительскому мастерству оркестра и талантливого дирижера Мравинского, глубоко проникших в творческий замысел композитора и как бы обновивших голоса оркестра.

Я — не музыкант и великолепно понимаю, что о Восьмой симфонии могут быть различные суждения и различные мнения. Многие в ней, вероятно, покажется людям, более близким к музыке, спорным. Но для меня, как слушателя, самое важное — в основной идее, основном настроении, которым Восьмая симфония проникнута. Они звучат во мне и вызывают в моем сознании ответное, свойственное моему литературному искусству, эхо.

Эта симфония представляется мне путем к счастью среди стихийных бурь, — и это тоже в духе 1943 года. И счастье, которое нам сулят пассажи и пастораль финала — счастье совершенно законное и убедительное. Так творение в своем финале раскрывается, как того требовал Аристотель, в катарсисе, являющемся очищением страстей.

О тематике и инструментовке скажут веское слово люди, более компетентные, чем я. Я же только замечу, что удовлетворение, порождаемое ими, неизменно и самого высокого свойства.

И все же во время всего исполнения симфонии я ощущал желание, оставшееся неудовлетворенным, — мне хотелось услышать фугу. В этом желании не было ничего порочного. В Восьмой симфонии фуга чувствуется повсюду, словно подземная сила. Темы и развитие их постоянно заставляют ожидать фугу. Но она редко проступает. Наши силы, наше внимание частично уходят на то, чтобы внести известный порядок в наши ощущения.

Но это общее замечание, относящееся к целому направлению искусства, а не только к двум последним симфониям Шостаковича. Слушая Восьмую симфонию, я — какой уже раз — спрашивал себя, не требует ли искусство новой эпохи возврата к очень ясным и уравновешенным построениям, подобным созданием великих музыкальных творцов средневековья и их наследников.

Гете справедливо заметил, что одна из наиболее поразительных характерных черт Шекспира — та страстность, с какой он поясняет себя. То же я скажу и о Бахе. И Шостакович в очень многих своих произведениях, во многих местах этой прекрасной симфонии, в чудесном своем квинтете доказал нам, что он, когда хочет, может быть мастером в искусстве вносить порядок — труд, который в противном случае незаконно предоставляется слушателю.

Перевод с французского.